

Не зрѣть ужъ имъ родного Дона,
 Не слышать колоколовъ звона!
 Уже чеченецъ подъ горой,
 Желѣзная кольчуга блещетъ,
 Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
 Ударъ несется роковой.
 —Казаки! казаки!.. увы, несчастный!
 Зачѣмъ злодѣй тебя убилъ?
 Зачѣмъ же твой свинецъ опасный
 Его такъ быстро не сразилъ?..

XVII.

Такъ плѣнникъ блѣдный мой уныло,
 Хоть самъ подъ бременемъ оковъ,
 Смотрѣлъ на гибель казаковъ.
 Когда жъ полночное свѣтило
 Восходитъ, близъ забора онъ
 Лежитъ въ аулѣ. —Тихій сонъ
 Лишь рѣдко очи закрываетъ;
 Съ товарищами вспоминаетъ
 О милой той родной странѣ;
 Груститъ, но больше чѣмъ они.
 Оставивъ тамъ залогъ прелестный,
 Свободу, счастье, что любилъ,
 Пустился онъ въ край неизвѣстный
 И... все въ краю томъ погубилъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVIII.

Однажды, погружаясь въ мечтанье,
 Сидѣлъ онъ поздною порой.
 На темномъ сводѣ, безъ сянья,
 Безвѣстный мѣсяцъ молодой
 Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный
 Лежалъ на зелени холмовъ;
 И тѣни шаткія деревъ,
 Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
 Черкесской сагли прилегли.
 Въ ней эгонекъ уже зажгли;
 Красивъ, онъ въ лампадѣ мѣдной,
 Чуть освѣщалъ большой заборъ...
 Все спитъ: холмы, рѣка и боръ.

XIX.

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
 Кю легкой тѣню межъ кустовъ
 Подходить ближе, чуть ступаетъ,
 Все ближе, ближе, черезъ ровъ.
 Идетъ бредучею стопою?
 Вдругъ видитъ онъ передъ собою:
 Съ улыбкой жалости нѣмой
 Стоитъ черкешенка младая!
 Даетъ заботливой рукой
 Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
 Предъ нимъ колѣна преклоняя.
 И взоръ ея изобразилъ
 Души порывъ, какъ бы смятенный,
 Но пищу принять русскій плѣнный
 И знакомъ ей благодарилъ...

XX.

И долго, долго, какъ нѣмая,
 Стояла дѣва молодая,

И взглядъ какъ будто говорилъ:
 «Утѣнь себя, невольникъ милый!
 Еще не все ты погубилъ»
 И вздохъ не тяжкій, но унылый,
 Въ груди раздался молодой.
 Потомъ чрезъ валъ она грутой
 Домой пошла тропю миистой,
 И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
 Какъ нѣкій призракъ гробовой;
 И только дѣвы покрывало
 Еще очамъ вдали мельгало.
 И долго, долго плѣнникъ мой
 Смотрѣлъ ей вслѣдъ: «Она сокрылась —
 Подумалъ онъ:—но почему
 Она къ несчастью моему
 Съ такою жалостью склонилась?»
 Онъ ночь всю не смыкалъ очей,
 Уснулъ за часъ лишь предъ зарей...

XXI.

Четверту ночь къ нему ходила
 Она и пищу приносила;
 Но плѣнникъ часто все молчалъ,
 Словамъ печальнымъ не внималъ.
 Ахъ! сердце полное волненій
 Чуждалось новыхъ впечатлѣній:
 Онъ не хотѣлъ ее любить.
 И что за радости въ чужбинѣ?
 Въ его плѣну, въ его судьбинѣ?
 Не могъ онъ прежде забыть.
 Хотѣлъ онъ благодарнымъ быть,
 Но сердце жаркое терялось
 Въ его страданіи нѣмомъ
 И, какъ въ туманѣ зыбкомъ, въ немъ
 Безъ отголоска поглощалось!
 Оно и въ шумѣ, и въ тиши
 Тревожитъ сонъ его души.

XXII.

Всегда онъ, съ думою унылой,
 Въ ея блистающихъ очахъ
 Встрѣчаетъ образъ вѣчно милый;
 Въ ея привѣтливыхъ рѣчахъ
 Знакомые онъ слышитъ звуки.
 И къ призраку стремится руки;
 Онъ вспомнилъ все—ее зоветь...
 Но вдругъ очнулся. —Ахъ! несчастный,
 Въ какой онъ безднѣ здѣсь ужасно!
 Ужъ жизнь его не расцвѣтетъ.
 Онъ гаснетъ, гаснетъ, увядаетъ,
 Какъ цвѣтъ прекрасный на зарѣ;
 Какъ пламень юный, потухаетъ
 На освещенномъ алтарѣ!

XXIII.

Не понять онъ ея стремленья,
 Ея печали и волненья;
 Не думалъ онъ, чтобы она
 Изъ жалости одной пришла,
 Взглянувши на его мученья;
 Не думалъ также, чтобъ любовь
 Точила сердце въ ней и кровь,—
 И въ страшномъ былъ недоумѣньи.